Фэн Циньюй развлекательная компания отмечала своё десятилетие. Согласно задумке, все её известные артисты должны были подготовить совместные номера. Компания заранее запустила масштабную рекламную кампанию за восемь дней до события, изо дня в день удерживая темы в топе поисковиков. Составы выступающих вызывали у фанатов и хейтеров бурю эмоций: например, два вечно враждующих краша должны были изображать братскую любовь, рассорившиеся пары — вместе петь песни о любви… Или, скажем, совершенно не сочетающиеся друг с другом мужская и женская группы должны были танцевать совместный микс.

Лидер мужской группы Фу Цинь, привыкший работать со своими крепкими и выносливыми согруппниками, впервые столкнулся с необходимостью танцевать с девчонками, отчего был крайне недоволен. Он сразу указал на конкретного человека — главную танцовщицу женской группы по имени Гу Мяо.

Женские группы в стране развивались медленно, но эта команда под крылом Фэн Циньюй выделялась на общем фоне, и каждая участница имела свои сильные стороны. Хотя для ежегодного концерта требовалось танцевальное смешение, далеко не все девушки в группе владели танцами в совершенстве — например, лидер коллектива в том, что касалось пения, оставляла танцы далеко позади.

Фу Цинь без лишних церемоний забрал себе главного танцора, из-за чего оставшиеся участники невольно завыли:

— Совесть есть вообще?! Вы объединили все силы, а мы в итоге превратимся в подтанцовку!

Главной причиной, почему Фу Цинь выбрал именно Гу Мяо, было вовсе не танцевальное мастерство, а то, что Гу Мяо… был немым!

Это означало, что им не потребуются никакие лишние разговоры, а высокий уровень танца делал его идеальным партнером со всех точек зрения.

И Гу Мяо действительно полностью оправдал ожидания Фу Циня: невероятно красивый, с гибкой талией, собранный, с холодным высокомерием и профессиональной этикой, обладающий прекрасной вы физической формой, он легко справлялся со сложными движениями и быстрым темпом.

Гу Мяо слушал объяснения хореографа по поводу следующего шага. На его лице ещё блестел пот, смешавшийся с яркими тенями для век, отчего кожа казалась сияющей, однако выражение лица оставалось предельно холодным.

— Окей, нужно ли мне повторить ещё раз? — хореограф посмотрел на двух стоявших перед ним артистов, которые смотрели строго вперед — один действительно немой, второй практически равный ему по этой части, — и понял, что в ответе они не нуждаются. — Репетируйте пока, а я пойду проверю остальные группы.

За танцевальную базу этих двоих он волновался меньше всего, так что в дополнительных наставлениях они не нуждались.

Гу Мяо с детства занимался танцами, но в его семье внезапно произошли перемены, и срочно потребовались деньги. Как раз в это время проходил отбор в женскую группу, и Гу Мяо, заметив высокое вознаграждение, переоделся в женское платье и прошел на прослушивание. Так и влился в коллектив. Шло время, популярность женской группы взлетела до небес, и теперь наряду с мужской они считались двумя главными топ-коллективами. Внешность и танцевальные навыки Гу Мяо были безупречны, а его истинный пол внутри группы все знали и так, храня молчание. Единственным недостатком была немата, которая к тому же была напускной. Он усердно и добросовестно поддерживал созданный менеджером образ холодного неприступного красавца и никогда не выходил из роли.

Однако сегодня Гу Мяо чувствовал, что его маска вот-вот рухнет.

Этот хореограф случайно не из латиноамериканских танцев?! Почему бедра должны быть прижаты так близко друг к другу?! Неужели нельзя оставить хотя бы пару сантиметров зазора?! Так ведь и спалиться недолго!

Гу Мяо скосил глаза и украдкой бросил взгляд на Фу Циня, отчего у него задергались веки: мало того, что оба они были мужчинами, так еще один из них вел себя донельзя провокационно.

Он вспомнил, как фанатки Фу Циня расхваливали гибкость и силу своего кумира, утверждая, что его поясница обладает мощью, способной перевернуть небеса и землю, и работает точно с моторчиком.

Фу Цинь первым поднялся на ноги и вышел в центр репетиционного зала. Поняв, что тот готов, Гу Мяо поправил украшение на шее, тщательно скрывая им кадык, и босиком встал напротив Фу Циня.

Фу Цинь, уставившись на подъем стопы Гу Мяо, нахмурился, молча сходил к обувному шкафу и принес пару кроссовок, поставив их прямо перед ним.

Ни один из них не был немым, но за всё время они не обменялись ни единым словом. Тем не менее Гу Мяо всегда удивительным образом понимал намерения Фу Циня: на полу холодно, обуйся.

Гу Мяо покачал головой.

Сейчас он слегка нервничал: они стояли слишком близко, прижавшись бедрами друг к другу, и он боялся потерять контроль и случайно наступить Фу Циню на ногу.

Фу Цинь посмотрел на него, не двигаясь с места.

Гу Мяо пришлось подчиться и надеть обувь.

Рука Фу Циня легла ему на бедро, а взгляд оставался совершенно спокойным, словно у закоренелого ледяного стоика. Лицо же самого Гу Мяо едва заметно скривилось.

В следующее мгновение Гу Мяо на собственном опыте прочувствовал танцевальный талант Фу Циня. Партнер не просто обзавелся моторчиком — судя по всему, это был реактивный двигатель, работающий без перебоев.

Фу Цинь заметил, что с Гу Мяо творится что-то неладное: когда он обнимал его за талию спиной к нему, стоило опустить взгляд, как можно было разглядеть яркий румянец на коже, выглядывающей из-за ворота. Когда же они обнимались лицом к лицу, прижимая друг друга спиной вплотную — хотя в хореографии действительно требовалось определенное скрытое сопротивление, чтобы подчеркнуть напряжение танца, — он впервые столкнулся с тем, чтобы спина партнера была настолько деревянной.

Чем дальше заходила репетиция, тем страннее становилось: уши Гу Мяо покраснели до неприличного состояния.

Во время парного плотного танца ладонь Фу Циня снова скользнула по нижней части живота Гу Мяо, и в его глазах на мгновение мелькнуло удивление.

Однако музыкальный ритм был слишком быстрым, и времени на раздумья не оставалось. Фу Цинь встал позади Гу Мяо и, придерживая одной рукой за талию, а другой прижимаясь к бедру, легко поднял его в воздух. Гу Мяо четко и слаженно подыграл ему: его ноги мгновенно обвились вокруг талии Фу Циня, корпус отклонился назад, а длинные волосы взметнулись в воздухе, отражая свет блестками в уголках глаз, смоченных потом.

В этом движении их лица оказались на одном уровне, позволяя заглянуть друг другу в глаза.

Фу Цинь сохранял невозвозмутимость, его кадык тяжело двигался вверх-вниз, а во взгляде читалась глубокая сосредоточенность. Теперь он наконец понял, почему Гу Мяо даже на репетиции приходил с изысканным макияжем.

Лицо Гу Мяо пылало от жара, а в штанах стоял твердый член.

Конец! Образ рухнул! Его член облапали!

Гу Мяо рассказал об этом инциденте своему менеджеру. Тот на мгновение замолчал, а затем произнес:

— Фу Цинь не из тех, кто любит совать нос в чужие дела, так что расслабься. Сейчас самое главное — продолжать поддерживать образ холодного немого.

Менеджер боялся, что если вскроется обман с немотой, это разозлит партнера.

Гу Мяо был близок к панике:

— Не могу! Мне кажется, он постоянно лапает мой член.

Одно из движений в танце было устроено именно так, и Фу Цинь ничего не мог с этим поделать. Гу Мяо был геем, поэтому менеджер и был спокоен, оставляя его среди девушек. Проведя двадцать пять лет в одиночестве, Гу Мяо возбуждался от малейшего прикосновения Фу Циня, и в итоге самое обычное танцевальное движение приобретало излишне фривольный оттенок.

У Фу Циня были великолепные кубики пресса, от него исходил жар, и, прижимаясь к спине Гу Мяо, он тяжело дышал, выглядя невероятно соблазнительно. Гу Мяо не смог сдержаться, поэтому уже с первой репетиции у него встал, и Фу Цинь задел его рукой.

Однако признаться в этом было нельзя: Фу Цинь вел себя настолько сдержанно и сурово, будто ничего не произошло, а Гу Мяо стыдился заикаться о решении своих физиологических потребностей. Им оставалось лишь хранить молчание и изо всех сил делать вид, что их неприступный имидж ничуть не пострадал.

Гу Мяо казалось, что после того случая отношение Фу Циня претерпело тонкие изменения. Ко второму разу он поумнел и перед репетицией пару раз подрочил сам, наконец избавившись от неловкой ситуации.

Фу Цинь был скрытным страстным парнем, который целыми днями неосознанно соблазнял Гу Мяо, сохраняя при этом мину человека, которому все задолжали миллионы. Он был выше Гу Мяо и, холодно опустив уголки глаз, исподлобья поглядывал на него, в то время как в его голове крутились исключительно пошлые фантазии о том, как бы поцеловать партнера.

В один прекрасный день он заметил, что у Гу Мяо нет никакой физиологической реакции. Нахмурившись, он решил, что дело тут нечисто!

Никто не мог остаться равнодушным к его лицу.

А значит, проблема определенно крылась в руках.

Тогда он тайком открыл стовосьмидесятигигабайтную папку с видео и принялся усердно учиться, доведя движения рук до абсолютного совершенства — такого, когда пролетающая птица лишается пера, а предметы притягиваются на расстоянии…

Гу Мяо думал про себя: что за чертовщина? Неужели у меня проблемы с почками?

В тот день после окончания репетиций Гу Мяо взял в руки телефон и напечатал Фу Циню сообщение, смысл которого сводился к следующему: это движение слишком неудобное, давай его изменим, поднимем чуть выше, тем более что грудь у меня все равно ненастоящая, можете лапать сколько влезет.

Фу Цинь ответил: ладно.

…

……

Почему он снова возбудился?

Гу Мяо: Шок! Неужели я просто распутная девчонка в душе?

http://bllate.org/book/40919/5205708